

Лескова Екатерина Владимировна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Калининградский государственный

технический университет»

г. Калининград, Калининградская область

**ФЕНОМЕН ФРАГМЕНТАРНОСТИ И БИБЛЕЙСКО-
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РАССКАЗЕ Ф. КАФКИ
«КАК СТРОИЛАСЬ КИТАЙСКАЯ СТЕНА»**

Аннотация: в данной статье исследуется феномен «фрагментарности» рассказа Ф. Кафки «Как строилась Китайская стена», проявляющий себя не только на уровне архитектоники, но и на содержательном уровне, изучаются также актуализированные в контексте данного вопроса жанровые особенности рассказа. Анализируются библейско-мифологические аллюзии Кафки к образу «Вавилонской башни», его своеобразное авторское переосмысление.

Ключевые слова: Кафка, миф, фрагмент, аллюзии.

Как и вся малая проза Кафки, его рассказ «Как строилась Китайская стена» представляет собой синкретичное жанровое образование: автор стилизует своё произведение под исторический трактат, в форму которого он облакает наррацию своего героя, жителя «Юго-Восточного Китая» [3, с. 619], исследующего психологию своего народа, исторические условия её формирования. «Научный дискурс» изучаемого рассказа проявляется во множестве факторов: в кропотливой методичности исследований рассказчика («на основании множества прочитанных мной трудов, а также моих собственных наблюдений» [3, с. 625]), в его недоверии поспешным выводам («Я не решусь делать обобщения» [3, с. 625]), и, наконец, в его собственных суждениях о своей работе: «...Данное исследование носит чисто исторический характер» [3, с. 619], «Я занимался и до сих пор занимаюсь почти исключительно сравнительной историей народов» [3, с. 620].

Последнее утверждение героя, однако, никак не подкрепляется содержанием его труда, который представляет собой «собрание» исторических сведений

о возведении стены китайским народом и опыт исследования его психологических особенностей, в частности, национальной специфики обожествления власти императора; об изучении менталитета или обычаев других народов не идёт даже речи. Таким образом, текст рассказа не является сам по себе «сравнительной историей», а может стать в воображении читателя разве что фрагментом некоего научного целого.

Эффект фрагментарности усиливается сознательной недоговоренностью в конце рассказа («Поэтому я в исследовании данного вопроса пока дальше не пойду...» [3, с. 626]), обусловленной осторожностью рассказчика, его воздержанием от окончательных выводов, которые, по его опасению, могут «посягнуть... на фундамент всего государства» [3, с. 626]. Подобная концовка не только свидетельствует о фрагментарности, но и меняет ее природу, изначальная сущность которой – в романтической свободе и раскрепощенности мышления: «Незавершённость фрагмента содержит в себе побудительное начало рождения мысли, развитие которой непредсказуемо» [2, с. 59–60]. У Кафки же, наоборот, обрывочность мышления является, как это ни парадоксально, знаком следования традициям и связанным с ним представлением об объективных границах научно-творческой фантазии. Об этом свидетельствует и перекликающаяся с концовкой заповедь в середине текста: «Старайся всеми силами понять указания начальников, но только до определенных границ, а дальше прекращай размышления» [3, с. 618], сопровождаемая притчей – сравнением ничем не ограниченного полета мысли с рекой, выходящей из берегов, которая приносит разрушения и, в конце концов, пересыхает.

Фрагментарное начало проявляется по-своему и в параболической архитектонике рассказа. Оно, прежде всего, связано с символическим образом стены, имеющим экзистенциалистские коннотации [5]. В этом литературно-философском ракурсе «стена» знаменует отчуждение и некую роковую неизбежность, которую тщетно пытается преодолеть бунтующий герой. Однако в рассказе о «Китайской стене» этот образ акцентирует иные смыслы. Во-первых, поверхностно-прикладной смысл защиты родной страны от посягательств извне, со стороны

северных кочевников. Во-вторых, смысл религиозный, глубинный, связанный, по мнению учёного героя, с библейским мифом строительства Вавилонской башни.

Учитывая мнение М. Брода о том, что кафковские афоризмы являются ответами на вопросы и загадки его крупных произведений [1, с. 267], обратимся за комментарием к использованию образа Вавилонской башни к одному из афоризмов Кафки: «18. Если бы возможно было построить Вавилонскую башню, не взбираясь на нее, это было бы позволено» [4, с. 317]. В кафковском рассказе, равно как и в афоризме, люди могут заниматься возведением стены, не взбираясь на неё, вследствие избранного императором «горизонтального» способа её строительства, а, следовательно, не взбираясь и на саму башню, не пытаясь достать «до небес» [Быт. 11: 4].

В рассказе концептуально важен факт, что Великая Китайская стена является по сути «фрагментарным» сооружением: каждый строитель выполняет предназначенную ему по плану *часть* работы, сама же стена как полукружие, со своими мифическими брешами, должна быть *частью* идеальной круговой стены, которая, в свою очередь, также должна стать основанием (*частью*) «глобального проекта» Вавилонской башни. Эта запланированная «фрагментарность», выражаемая, в частности, в участии каждого строителя и всего народа в величайшей стройке мира имеет смысловое созвучие с ещё одним афоризмом Кафки, 39б: «Путь бесконечен, тут ничего не убавишь, ничего не прибавишь, и все же каждый прикладывает к нему свой детский аршин. «Конечно, ты должен пройти еще этот аршин пути, это тебе зачтется» [Там же: 319]. Этот афоризм помогает понять, что смысл рассказа «Как строилась Китайская стена» намного глубже, чем простая аллегория авторитарных и тоталитарных обществ. Каждый человек, полагает Кафка, призван пройти свой «отрезок» пути, проделать свою «часть» работы ради высшей цели. Однако относительно смысла целого, по мысли Кафки, человек всё же обречен оставаться в неведении, как подданные императора, ни-

чего не знающие о своём властителе: «Он (народ. – *Е.Л.*) не знает, какой император правит, и даже относительно имени династии возникают сомнения» [3, с. 623].

Характерной архитектурной особенностью рассказа «Как строилась Китайская стена» является наличие вставных притч, иллюстрирующих и поясняющих размышления рассказчика. Это уже упомянутая притча-сравнение о разлившейся реке и развернутая притча-предание о вестнике, так и не успевшем донести «жалкому подданному, крошечной тени», «весть от усопшего» правителя [3, с. 622], образующая интерпретационный центр рассказа. Эта притча содержит в себе несколько элементов сравнения: правитель-император отождествляется с солнцем, вестник – с лучом, подданный – с тенью. Несмотря на то, что встрече с подданным не суждено состояться, автор акцентирует внимание на необходимости активности вестника, который находится в постоянном движении и преодолевает все преграды в стремлении достичь своей цели: «а если ему сопротивляются, он указывает себе на грудь, на которой знак солнца; и он легко, как никто другой, продвигается вперед» [3, с. 622].

Симптоматичным для притчи о вестнике и для всего рассказа является факт осознания малости пройденного пути (совершённых дел), который может пройти (совершить) человек, по сравнению с великой, неподвластной человеческому разуму целью этого мира. Прделанный вестником реальный путь ничтожно мал для того, чтобы исполнить данное императором поручение. Подобно любому строителю башни, равно как и самому рассказчику, он преодолевает лишь «детский аршин пути», делает свою часть работы, оставаясь не в силах охватить целое. Не может сделать этого и император, являющийся в сознании китайского народа олицетворением сакрального «центра» и «верха» Вселенной: «...как понятие, конечно, огромен, он высится сквозь все этажи вселенной. А живой император – такой же человек, как мы, подобно нам, лежит он на ложе и хоть оно тщательно измерено, но все относительно весьма узкое и короткое» [3, с. 621].

Образ китайской династии, на наш взгляд, представляет собой своеобразную пародию на австро-венгерскую династию Габсбургов, «лоскутность» и многоязычность которой одновременно является аналогом вавилонского смешения языков. Народ, напротив, представляется «чистым» и духовно возвышенным: «Такой чистоты нравов, как в моем родном краю, я, пожалуй, нигде не видел [3, с. 625]. Духовная «чистота» объясняется у Кафки следованием традиции, противопоставляемой автором непонятному и бессмысленному современному закону: «это такая жизнь, которая не подчинена никакому современному закону, а следует только предписаниям и предостережениям, дошедшим до нас из глубокой древности» [3, с. 625]. В противовес образу «Вавилонской башни» из библейского мифа, строительство башни в произведении Кафки вовсе не является богопротивным делом: «в смысле их («свершений» ради общего дела строительства. — *Е.Л.*) угодности Богу — по крайней мере по человеческому разумению — являются прямой противоположностью той башне» [3, с. 616].

Таким образом, смысл фрагментарности кафковского рассказа проявляется не только на структурном уровне, но и заключён в амбивалентном образе Вавилонской башни. С одной стороны, он символизирует разъединение, разрыв человеческих связей даже внутри одного государства, причиной которого является не языковой барьер как в библейском мифе, а огромные расстояния, затрудняющие возможность нормальной коммуникации, и внутренняя отгороженность людей от происходящего в «большом» мире. С другой стороны, строительство башни, как это ни парадоксально, включает в себе значение объединения, вклад каждого человека в общее дело, смысл которого ему не дано постичь.

Список литературы

1. Брод М. Франц Кафка. Узник абсолюта / М. Брод. — М.: Центрполиграф, 2003. — 286 с.
2. Грешных В.И. Мистерия духа: художественная проза немецких романтиков / В.И. Грешных. — Калининград: Изд-во КГУ, 2001. — 405 с.
3. Кафка Ф. Собр. соч. в 4 т. / Ф. Кафка. — СПб.: Симпозиум, 1999. — Т. 1. — 751 с.

4. Кафка Ф. Собр. соч. в 4 т. / Ф. Кафка. – СПб.: Симпозиум, 1999. – Т. 3. – 585 с.

5. Сартр Ж.-П. Стена. Избранные произведения / Ж.-П. Сартр. – М.: Политиздат, 1992. – 480 с.